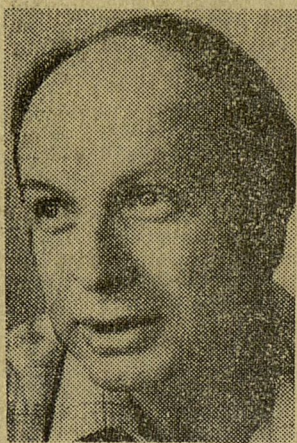

ДИАПАЗОН АКТЕРА

Луначарский в «Большевиках», Гаев в «Вишневом саду», Хомутов в «Провинциальных анекдотах», Серпухин в «Поговорим о странностях любви»... Различны характеры этих героев, непохожи их судьбы. Но объединяет их личность исполнителя этих ролей в спектаклях новосибирского театра «Красный факел», артиста Валерия Николаевича Чумичева. Сегодня он гость редакции, и именно с вопроса о том, что дает актеру право представлять на сцене столько вариантов человеческой судьбы, и началась наша беседа.

— По-моему, право на эксперимент. Такое право существует у представителей любой другой профессии, имеем его и мы — актеры. А эксперимент наш особый, с человеческими судьбами, характерами, которые мы несем «на люди», к зрителю. Технологическая оснастка образа, обстоятельства, в которые попадает герой, его взаимодействие с другими персонажами — все это составляемые эксперимента. Создавая образ, берешь на во-

Воскресный гость

«Советской Киргизии»

оружение личный жизненный опыт, что-то прочитанное, увиденное, какие-то факты, с которыми сам столкнулся. Идет личная расшифровка персонажа, выработывается твое личное отношение к нему. Ведь играем мы и «голубых», правильных героев, и отрицательных. И здесь важно из суммы их поступков выявить какую-то объективную позицию по отношению к ним. Оправдывая или осуждая героя, я должен выяснить, в чем мое отрицание, что я в нем принимаю, а что не принимаю. Просто характер в отрыве от себя играть нельзя, без этого нет взволнованности, нет зрительского притяжения, сопереживания.

— Насколько же артист на сцене может отстраниться от самого себя? Возможен ли полный уход исполнителя от себя в любой роли?

— Все зависит от спектакля и формы разговора со зрителем. Ведь играл, я отбираю в образе то, что меня лично волнует, то, в чем я лично сопереживаю с ним. В спектакле «Поговорим о странностях любви» у меня роль Серпухина. Персонаж он не главный, особых «болевых» моментов не несет. Он прост, нормален, но есть в нем и симпатичные мне качества, в чем-то, может быть, и мне присущие. Но мое отношение к герою не может быть явным. В любой роли надо играть на спектакль.

— Вспомните, пожалуйста, свою творческую биографию.

— Учился в Новосибирском и Свердловском театральных училищах, работал в театрах Новосибирска, Свердловска, Риги. Вот уже несколько лет в «Красном факеле». За двадцать лет на сцене сыграно немало больших и маленьких ролей. Что запомнилось? Подхалюзин из спектакля «Свои люди — сочтемся». Я старался играть его предельно современным человеком, хотя персонаж этот отдален от нас временем.

Совсем другой мой Гаев из «Вишневого сада». Я видел этот спектакль в московском «Современнике», где Гаева самообытно играет

И. Кваша. В его исполнении Гаев — полный ноль. Тогда как у Чехова, на мой взгляд, этот персонаж — подлинный русский интеллигент, в высоком нравственном понимании этого слова. Жизнь вокруг него — в противоречии с его нравственными принципами. Человек тут бессилён. Он должен что-то предать — либо дело, либо свои принципы. Эта роль именно тем и приятна, что Гаев чувствует боль другого человека.

— Всех ваших героев отличает мягкий интеллект, несентиментальный лиризм, тонкий психологизм. Видимо, можно говорить об определенном актерском амплуа, но ведь оно ограничивает артиста. А не хотелось ли вам сыграть, скажем, Ричарда III, Отелло, Гамлета?

— Разумеется, желательно быть разным. Но у всех нас должен быть свой диапазон. Это как голос. Пусть он будет мал, но в своем диапазоне ты должен им владеть.

У нас в театре я Отелло сыграть никак не смогу. Не по своим человеческим, ни по физическим качествам. И это не грех. Хотя может найтись режиссер, который именно во мне увидит Отелло, и сможет убедить, что я его единственный вариант. Это другое дело. Профессия — качество важнейшее, ею надо владеть мастерски. Мне лично интересно следить за определенным типом человека и видоизменять его чисто внутренне, то есть работать в своем диапазоне.

Я долго мечтал сыграть князя Мышкина, но теперь понял, что играть не могу, даже при всей своей симпатии к образу. Время шло, да и я изменился.

Хотел бы поработать над Ричардом, видел кусочек этой роли в удивительном исполнении М. Ульянова. И все же я убежден, что играть надо прежде всего в своем творческом диапазоне.

— Есть ли у вас актерские привязанности, любимые драматурги?

— Да. Е. Евстигнеев, И. Смоктуновский. Евстигнеева я считаю актером ярчайшей индивидуальности. Это высший пилотаж сценического искусства.

Люблю играть классику. Она сложна, но именно этим и интересна. Достоевский, например, чрезвычайно сложный автор. При внутреннем накале, крайностях определенных событий и обстоятельств прийти к правде существования трудно.

Всегда интересны герои Чехова, живущие предельно напряженно, конфликтно. Совсем недавно у нас состоялась читка пьесы А. Казанцева «Старый дом». По материалу автор приближается к Чехову. Все сюжетные линии, тема сведены, всему дано развитие. Все основано на правде.

Из современных советских драматургов мне близок В. Розов, с удовольствием играю и буду играть во всех пьесах А. Вампилова.

— Театр все же оставляет время на что-то еще. Что вы читаете, чем увлечаетесь?

— Это так. И все же актер должен прежде всего жить активной творческой жизнью. Немало времени отнимает педагогическая работа. Я преподаю в Новосибирском театральном училище. Снимаюсь в кино, играл в «Угрюм-реке» и картине «Женя Женечка и Катюша» в целом ряде телефильмов.

Выступаю на эстраде. Читаю А. Блока, С. Есенина, М. Лермонтова, А. Чехова, вместе с артистом нашего театра В. Харитоновым выступаю с юмористическими вещами, подготовили концерт из произведений М. Жванецкого. Все это откладывается в актерский багаж, накапливает творческий потенциал и находит выход в будущих работах.

Беседу вел
А. ШЕПЕЛЕНКО.